

Информация для цитирования:

Качмазова Е. С. Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов) / Е. С. Качмазова, И. Н. Цаллагова, Ф. А. Царикаева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 10. — С. 68—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84.

Kachmazov, E. S., Tsallagova, I. N., Tsarikayeva, F. A. (2023). Conversion in Ossetian Language (Iron and Digor Dialects). *Nauchnyi dialog*, 12 (10): 68-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-68-84

Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов)

Качмазова Езетхан Сергеевна¹

orcid.org/0000-0002-5025-6894

кандидат филологических наук, доцент
кафедры осетинского языка
darya.kachmazova@mail.ru

Цаллагова Искра Нартовна^{2*}

orcid.org/0000-0001-7844-8321

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
отела осетинского языкознания
czallagon@mail.ru

Царикаева Фатима Ахсарбековна¹

orcid.org/0000-0001-7844-8321

кандидат педагогических наук, доцент
кафедры осетинского языка
fcarikaeva@mail.ru

¹Северо-Осетинский
государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова
(Владикавказ, Россия)

²Северо-Осетинский институт
гуманитарных и социальных
исследований им. В. И. Абаева
(Владикавказ, Россия)

Conversion in Ossetian Language (Iron and Digor Dialects)

Ezetkhan S. Kachmazova¹

orcid.org/0000-0002-5025-6894

PhD in Philology, associate professor,
Ossetian Language Department
darya.kachmazova@mail.ru

Iskra N. Tsallagova^{2*}

orcid.org/0000-0001-7844-8321

PhD in Philology,
senior research scientist,
Ossetian Linguistics Department
czallagon @ mail.ru

Fatima A. Tsarikayeva¹

orcid.org/0000-0001-7844-8321

PhD in Pedagogy, associate professor,
Ossetian Language Department
fcarikaeva @ mail.ru

¹North Ossetian State University
named after Kosta Levanovich Khetagurov
(Vladikavkaz, Russia)

²V. I. Abaev North Ossetian Institute
for Humanitarian and Social Studies
(Vladikavkaz, Russia)

© Качмазова Е. С., Цаллагова И. Н., Царикаева Ф. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом анализа является конверсированная лексика иронского и дигорского диалектов осетинского языка. Материалом для исследования послужили лексические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из словарей осетинского языка. Актуальность исследования обусловлена тем, что выявление основных конверсивных моделей необходимо для решения ряда задач, связанных с проблемой разграничения частей речи в осетинском языке. Новизна исследования видится в том, что предпринята попытка научного описания конверсивных моделей осетинского языка с привлечением языкового материала иронского и дигорского диалектов. Выявлено, что наиболее активно в осетинском языке проявляют себя такие разновидности конверсии, как субстантивация, адъективация и адвербиализация (направление производности может быть различным). Установлено, что конверсионная модель в осетинском языке чаще включает в себя имя существительное, имя прилагательное и причастие. Конверсивные отношения между автосемантическими и синсемантическими словами в осетинском языке представлены в основном наречием и послелогом, что обусловлено развитой системой послелогов в осетинском языке. Анализ языкового материала двух основных диалектов осетинского языка позволяет говорить о том, что механизмы конверсирования иронской и дигорской лексики не имеют существенных различий.

Ключевые слова:

осетинский язык; иронский диалект; дигорский диалект; словообразование; конверсия; субстантивация; адъективация; адвербиализация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article analyzes the converted lexicon of the Iron and Digor dialects of the Ossetian language. The study uses lexical units extracted through a random sampling method from Ossetian language dictionaries. The relevance of the research lies in identifying the primary conversion models necessary for solving problems related to the differentiation of parts of speech in the Ossetian language. The novelty of the study is that it attempts a scientific description of Ossetian conversion models using linguistic material from the Iron and Digor dialects. The study reveals that the most active forms of conversion in the Ossetian language are substantivization, adjectivization, and adverbialization (the direction of productivity may vary). The study also shows that the conversion model in the Ossetian language often includes nouns, adjectives, and participles. Conversion relationships between autosemantic and synsemantic words in the Ossetian language are mainly represented by adverbs and postpositions, which are due to the developed system of postpositions in the Ossetian language. Analysis of linguistic material from the two main dialects of the Ossetian language suggests that there are no significant differences in the mechanisms of converting Iron and Digor lexicons.

Key words:

Ossetian language; Iron dialect; Digor dialect; word formation; conversion; substantivization; adjectivization; adverbialization.

Конверсия в осетинском языке (на материале иронского и дигорского диалектов)

© Качмазова Е. С., Цаллагова И. Н., Царикаева Ф. А., 2023

1. Введение = Introduction

Языковое явление, при котором происходит взаимопереход между частями речи, свойственно многим разноструктурным языкам мира. Применительно к этому явлению многие исследователи используют термин *конверсия*. В то время как большинство ученых «едины в определении этого вида словообразования как создания нового слова путем включения производящей основы в другую парадигму» [Юшакова, 2005, с. 133], существует также множество факторов, которые остаются дискуссионными.

Термин *конверсия*, впервые введенный в контексте теории английской дериватологии Г. Суитом в конце XIX века, до сих пор вызывает полемику. Об этом свидетельствует тот факт, что даже на современном этапе лингвистических исследований в области словообразования разноструктурных языков данное языковое явление трактуется разными учеными по-разному.

Г. Суит под термином *конверсия* в английском языке подразумевает такое языковое явление, при котором происходит перекатегоризация лексем, то есть взаимопереход слов между частями речи, без формальных изменений [Sweet, 1892, p. 38].

В русистике термин *конверсия* впервые был использован А. И. Смирницким. Однако ученый поясняет, что конверсия — это не «...употребление одного и того же слова в функции разных частей речи». Он обосновывает это тем, что слова в конверсионной модели по отношению друг к другу представляют собой связанные по корню разные слова. Это говорит о том, что «мы имеем здесь дело со словообразованием, с соотношением между словами в пределах одного словообразовательного гнезда» [Смирницкий, 1956, с. 76]. Исходя из этого, А. И. Смирницкий определяет конверсию как «особый вид словообразования, в частности словопроизводства (то есть не словосложения)» [Смирницкий, 1956, с. 76].

В современных лингвистических исследованиях под термином *конверсия* понимается «морфолого-синтаксический способ словообразования, посредством которого слово одной лексико-грамматической категории образуется от (основы) слова другой лексико-грамматической категории без изменения основной формы исходного слова» [Исмаилова, 2006, с. 112],

или же «переход слова из одной грамматической категории в другую (например, существительное в прилагательное)» без изменения его «материальной формы» [Осипова, 2023, с. 70].

Существует также мнение, что это «одна из разновидностей транспозиции (номинализации, вербализации и адъективации), то есть перехода одной части речи в другую часть речи» [Мурясов, 2014, с. 1472].

Для большинства языков наиболее продуктивным видом транспозиции является номинализация. Р. З. Мурясов говорит, что данный вид транспозиции — «как процесс, так и результат преобразования слов других частей речи в существительное или превращение сегментов текста теоретически любой величины в эквивалент имени существительного» [Мурясов, 2014, с. 1473].

Исходя из существующих исследований, можно говорить о «широком» и «узком» понимании данного термина. Широкое понимание основывается на том, что «новые слова возникают без изменения основной формы исходного слова, но в иной части речи и, следовательно, включаются в новую парадигму, получают новые синтаксические функции и сочетаемость и новое лексико-грамматическое значение» [Карашук, 1977, с. 14]. Е. С. Кубрякова, также рассматривая конверсию в широком ее понимании, определяет ее как «процесс морфологической транспозиции основы и, следовательно, как процесс полной смены парадигмы у исходной единицы или как результат полного изменения морфологического окружения у неё» [Кубрякова, 1974, с. 75].

Более узкое понимание основывается на том, что под конверсию подводятся лишь конверсионные модели с полностью идентичными формами слов. Однако, по мнению В. М. Никитевича, «даже при полной идентичности данных форм мы не всегда имеем дело с конверсией» [Никитевич, 1985, с. 84]. По его мнению, обязательным условием также является разная парадигма окончаний, то есть «парадигма как означающее не принимает участия в выражении различий по частям речи, поскольку она одна и та же. Производное значение существительного здесь выражается позицией слова, то есть синтаксически. Отнесение субстантивации прилагательных и причастий к конверсии или морфологическому способу словообразования приводит к пренебрежению целым рядом их существенных признаков как производных номинаций» [Никитевич, 1985, с. 84].

Данные виды словообразовательного процесса во многом очень схожи, но есть и существенные различия. К общим признакам можно отнести номинативность этих процессов, а также то, что они по своей сути являются «семантико-синтактико-морфологическими способами словообразования» [Исмаилова, 2006, с. 113].

В осетинском языкознании процесс, при котором происходит взаимопереход между частями речи, всегда привлекал внимание ученых, хотя и

несколько в другом аспекте. Зачастую осетинские слова, выступающие в функции разных частей речи, рассматривают как недифференцированные или сложно дифференцированные слова. Кроме этого, в осетинском языке «при установлении границ между именными частями речи» возникают определенные трудности, так как очень часто определение частеречной принадлежности невозможно без контекста. Это обусловлено тем, что осетинские имена «не обладают какими-либо внешними, эксплицитно выраженными признаками и нередко выражают как признак, так и носителя» [Сатцаев, 2017, с. 6].

С учетом сказанного целью нашей работы является исследование переходности в системе частей речи в осетинском языке и специфики функционирования механизма конверсирования иронской и дигорской лексики.

Актуальность исследования обусловлена тем, что изучение конверсии в разных языках способствует выявлению ее универсальных черт и, что немаловажно, определению национальной специфики, обусловленной типологическими особенностями исследуемого языка. Определение основных конверсивных моделей, а также выявление конверсивных отношений как между автосемантическими, так и между синсемантическими словами необходимы для решения ряда задач, связанных с проблемой разграничения частей речи в осетинском языке.

Научная новизна статьи состоит в том, что работа представляет собой первый опыт научного описания конверсивных моделей осетинского языка с привлечением языкового материала иронского и дигорского диалектов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками исследования послужили словари осетинского языка [ИЭ; БРОС; ДРС; ТСОЯ], а также языковой материал, собранный в ходе диалектологических экспедиций. Эмпирическая база исследования формировалась с помощью приема сплошной выборки. Для представления извлеченного из словарей материала был применен описательный метод. Для выявления основных конверсионных моделей были использованы методы компонентного, контекстного и статистического анализа лексических единиц.

Вопросам переходности между частями речи в зарубежной и отечественной лингвистике уделяется большое внимание. Словообразовательный процесс, происходящий без участия словообразовательных суффиксов, именуется по-разному. Так, ряд ученых данный процесс называют «способом словообразования с нулевой морфемой» [Aronoff, 1980; Clark, 1979; Marchand, 1963 и др.]; в некоторых исследованиях он фигурирует как «морфолого-синтаксический способ словообразования или как синтаксическая деривация» [Farrell, 1998; Исмаилова, 2006 и др.]; или же как «без-

аффиксальное словообразование» [Аракин, 1979; Уфимцева, 1968 и др.]; многие ученые считают субстантивацию и конверсию «разными способами словообразования» [Карашук, 1977; Мазо, 1963].

Различные подходы к данному вопросу объединяет то, что в основном под термином *конверсия* понимается «способ производства новых лексем, при котором исходная и результативная единицы принадлежат к разным частям речи» [Пшеничная, 2012, с. 145].

Кроме этого, есть разногласия и по поводу необходимых для установления конверсии признаков (семантика, синтаксическая функция, морфологическая форма). Множество исследований направлены на выявление способов определения производности и мотивированности конверсионных моделей [Кубрякова, 1974; Мешков, 1976; Соболева, 1959 и др.].

Что касается осетинского языкознания, то вопросы, связанные с взаимопереходом частей речи, привлекали внимание многих ученых [Абаев, 1970; Багаев, 1965; Габараев, 1977; Дзодзикова, 2012; Кудзоева и др., 2018; Цопанова и др., 2021 и др.]. Однако данные исследования носят фрагментарный характер, специального комплексного исследования конверсивных отношений между частями речи в осетинском языке на сегодняшний день не проводилось.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Переходность в системе частей речи в современном осетинском языке

Изучение всех существующих на сегодняшний день определений такого неоднозначного термина, как *конверсия*, позволило нам в рамках данной статьи, посвященной взаимопереходу частей речи в осетинском языке, принять следующее определение: «...конверсия — это способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от слова другой без изменения внешней формы исходного слова, но при котором изменяется лексическое значение слова, его морфологические и синтаксические свойства» [Заббарова, 2014, с. 64].

В разносистемных языках конверсия может функционировать по-разному. Так, «в описании данного механизма в языках флективного строя актуальным оказывается обращение к морфологической транспозиции, в языках аналитических — более актуально обращение к анализу семантического и синтаксического изменения слова» [Заббарова, 2014, с. 64].

Как известно, «осетинский язык имеет два основных диалекта: иронский и дигорский, каждый из которых имеет свою литературную норму» [Беляев и др., 2022, с. 32]. Данное исследование выполнено на языковом материале иронского и дигорского диалектов осетинского языка.

В осетинском языкознании теоретическими вопросами классификации частей речи занимались многие ученые. Однако в их работах критерии частеречной принадлежности разнятся. В. И. Абаев указывает на то, что «имена прилагательные не только по формальным признакам, но и по употреблению не могут быть резко отграничены от существительных» [Абаев, 1959, с. 29].

З. Б. Дзодзикова же указывает на то, что «в осетинском языке имеются пласты слов, являющиеся только именами существительными или только именами прилагательными, а определенную часть составляют слова, выступающие как в роли имени прилагательного, так и имени существительного, но в таком случае мы сталкиваемся с явлением разного рода адъективации или субстантивации» [Дзодзикова и др., 2012, с. 288].

Говоря о субстантивации, современные лингвисты считают, что это «сложное лексико-грамматическое явление, вызываемое не одним каким-то условием, а единым комплексом условий лексического, синтаксического и морфологического порядка» [Исмаилова, 2006, с. 112].

Однако если вопрос об определении сути данных языковых явлений уже более или менее ясен, то вопрос, связанный с соотношением этих двух переходных явлений, до сих пор вызывает полемику. Чаше всего возникает вопрос: субстантивация — это особый вид конверсии или самостоятельный способ словообразования? На этот счет существует несколько мнений. Некоторые лингвисты проводят четкие разграничения между конверсией и субстантивацией, другие же считают, что конверсия представляет собой транспонирование разных частей речи в другую, и тем самым относят субстантивацию, адъективацию и адвербиализацию к частным случаям конверсии.

По мнению Н. К. Багаева, субстантивация — это такой «морфологический способ словообразования, при котором происходит переход слов других частей речи в разряд имен существительных без особой аффиксации» [Багаев, 1965, с. 178]. Автор подчеркивает, что «наиболее активно данное явление представлено в именах прилагательных» [Багаев, 1965, с. 178].

По мнению Н. К. Багаева, в иронском диалекте осетинского языка могут подвергаться субстантивации следующие части речи:

— отглагольные имена, образуемые при помощи суффиксов *-д*, *-т*, *-ст*, *-ад* / *-адæ*, *-æг*, *-инаг* / *-уйнаг*, *-æггаг*, *-æн* одинаково могут быть использованы в значении имен прилагательных и в значении имен существительных (*фыссæг* «писатель, пишущий», *ныййарæг* «родитель, родивший», *нымайæг* «счетчик, считающий», *кусæг* «рабочий, работающий», *цауæг* «ходок, идущий», *рæвдыд* «ласка, обласканный», *æвзæрст* «выбор, выбранный» и т. д.);

— субстантивируются иногда глаголы в повелительной форме 2-го лица единственного числа (*гæс* «сторож» (от *касын* «смотреть»), реже в форме 3-го лица конъюнктива с отрицательной частицей *ма* «не»: *мадзу-ра, маркафа, матæрса* и т. д.);

— субстантивироваться могут некоторые наречия (*фарон* «прошлый год», *абон* «сегодня», *знон* «вчера» и т. д.). Например: *Нæ абон не знонæй хуыздæр у, нæ райсом ноджыдæр хуыздæр уыдзæн* «Наше сегодня лучше, чем наше вчера, наше завтра будет еще лучше» [Багаев, 1965, с. 179].

Первым в осетинском языкознании о конверсии как особом виде словообразования заговорил Н. Я. Габараев. Опираясь на высказывания отечественных и зарубежных лингвистов, ученый определяет конверсию как «способ словообразования, при котором слово без изменения своей исходной формы» начинает выполнять функции слов другого класса и, соответственно, приобретает морфологические формы (парадигму) этих слов [Габараев, 1977, с. 78].

По мнению Н. Я. Габараева, субстантивация представляет собой разновидность конверсии, указывая при этом на ее повышенную продуктивность в осетинском языке. По мнению автора, «для субстантивации характерным является то обстоятельство, что слово, включаясь в категорию имен существительных, приобретает такие грамматические значения и формы, которые составляют основные морфологические признаки существительного, но совершенно не присущи классу транспонированного слова» [Габараев, 1977, с. 80]. В данном случае речь идет о словоизменительной грамматической категории падежа и категории числа.

По мнению З. Б. Дзодзиковой, субстантивация в осетинском языке «представлена в двух видах: языковая субстантивация (не связанная с контекстом) и контекстуальная субстантивация» [Дзодзикова и др., 2012, с. 281]. К языковой субстантивации авторы относят слова, которые подверглись «субстантивации в процессе развития языка и вне зависимости от контекста могут выполнять функцию как прилагательного, так и существительного: *маст* “горький, неприятность, переживание”; *хистæр / хестæр* “старше, более взрослый человек”; *кастæр* “младше, младший” и т. д.». [Дзодзикова и др., 2012, с. 281]. Следует отметить, что антонимическая пара *хистæр / хестæр* «старше, более взрослый человек» и *кастæр* «младше, младший» для осетинской традиции в этнографическом аспекте является в некотором смысле ключевой. *Хистæр / хестæр* «старше, более взрослый человек» этимологически представляет собой суперлатив (сравнительная степень от превосходной), исходная иранская модель — *hvaīšta* «главный деятель», «главный участник какого-либо действия», «старший по положению или по возрасту» [ИЭ, т. 4, с. 204]. *Кастæр* «младше, млад-

ший» также восходит к иранскому *kasu* + *tara*, это сравнительная степень от *kasu* «малый». Здесь мы имеем дело с застывшими формами прилагательных в сравнительной степени, которые в процессе субстантивации могут выполнять функцию как прилагательного, так и существительного.

К контекстуальным субстантивам авторы относят такие случаи, как: «*Кæройнагтæ сыстадысты сæ бынагтæй æмæ сбадын кодтой æрбаæуджыты* / Крайние встали со своих мест и усадили вошедших» [Дзодзикова, 2012, с. 282]. Здесь лексема *кæройнагтæ* «крайние», являясь по сути прилагательным, выполняет функцию существительного *адам* «люди», приобретая «морфологические признаки существительного, а именно — суффикс множественного числа *-т* и окончание именительного падежа *-æ*» [Дзодзикова, 2012, с. 282].

3.2. Наиболее продуктивные конверсионные модели

Продуктивность конверсионных моделей неодинакова в разных языках. Так, в исследованиях отмечается, что «неограниченная субстантивация инфинитивов в немецком языке не знает каких-либо ограничений, широко распространены конверсивные отношения между существительными и прилагательными во французском языке» [Мурясов, 2014, с. 1470].

Исследование конверсированной лексики иронского и дигорского диалектов осетинского языка показало, что наиболее активно проявляют себя следующие модели:

1) $N \leftrightarrow A$ (N — существительное, A — прилагательное), то есть взаимопереход существительных и прилагательных. При этом более высокопродуктивна модель $A \rightarrow N$: ср. ир. *Дондзаст* / диг. *дондзæстæ* «болотистое, сырое (место); болото», *зæронд* / диг. *зæронд* «старый, старик», ир. *Хистæр* / диг. *хестæр* «старший, старик», ир. *Æдылы* / диг. *æдули*, *гъæла* «глупый, глупец», ир. *Цæхджын* / диг. *цæхгун* «солёный, соленье», ир. *Сомыхаг* / диг. *сомехаг* «армянин, армянский», ир. *Гæвзыкк* / диг. *гæвзук* «бедный, нищий, бедняк, беднота, нищета»), ир. *Æгад* / диг. *æгада* «бесславный, позорный, позор, бесславие»), ир., диг. *арф* «глубокий, глубина», ир. *Æвзæр* / диг. *лæгъуз* «плохой, зло» и т. д. Модель $N \rightarrow A$, которую часто называют «обратной конверсией», касается существительных, которые в форме именительного падежа единственного числа становятся носителями качества определяемого предмета. Так, существительное ир. *сыгъзæрин* / диг. *сугъзæрийнæ* «золото» в составе словосочетания ир. *сыгъзæрин къухдараен* / диг. *сугъзæрийнæ къохдараен* «золотое кольцо» выступает в функции прилагательного.

Иногда адъективация существительного сопровождается появлением у существительного степеней сравнения, присущих прилагательному, кроме того, слово в этой форме перестает склоняться по падежам и числам. Так,

существительное ир. *талынг* / диг. *талингæ* «темнота, мрак» при переходе в класс прилагательных *талынг* «темный, мрачный» может иметь формы степеней сравнения ир. *талынгдæр* / диг. *талингæдæр* «темнее», ир. *тынг талынг* / диг. *хъæбæр талингæ* «очень темно; очень темный»; существительное ир. *цъыф* / диг. *цъифæ* «грязь», переходя в прилагательное *цъыф* «грязный», может иметь формы ир. *цъыфдæр* / диг. *цъифæдæр* «более грязный», ир. *тынг цъыф* / диг. *хъæбæр цъифæ* «очень мокрый, грязный» и т. д.

По данному поводу А. И. Смирницкий пишет, что, характеризуя слово «по отношению к другим словам, парадигма каждого данного слова выполняет и лексическую функцию: она является определенным оформлением слова и тем самым выступает как словообразовательное средство. И это средство словообразования и применяется при конверсии» [Смирницкий, 1956, с. 77].

Следует отметить, что связь адъектированного слова с производящей основой не всегда очевидна. Так, ряд прилагательных в современном осетинском языке представляют собой адъектированные иранские причастия. Определить столь раннюю адъективацию «можно только диахронически или при сопоставлении с другими иранскими языками» [Гутиева, 2023, с. 112].

2) Part → N (Part — причастие): ир., диг. *кафæг* «танцующий, танцор»; ир. *Дзурæг* / диг. *дзорæг* «говорящий; тот, кто говорит»; ир. *Нымайæг* / диг. *нимайæг* «считающий, счетовод»; ир. *Агуырð* / диг. *агурд* «разысканный, найденный; поиск»; ир., диг. *лæвард* «отданный; передача, подача»; ир., диг. *скъæфт* «похищенный; похищение»; ир., диг. *æгъдаудæттæг* «устанавливающий порядок, дисциплину; тот, кто устанавливает порядок и дисциплину» и т. д. Данная модель конверсии в обоих диалектах осетинского языка является высокопродуктивной, так как практически не имеет ограничений. Кроме этого, довольно часто то или иное причастие может переходить и в класс прилагательных, и в класс существительных. Например, причастие ир. *змæст* / диг. *змæнст* может выполнять функции как прилагательного «мутный, смутный, беспорядочный», так и существительного «смута». Следует отметить, что «транспонированные причастия выполняют все синтаксические функции, свойственные существительным, прилагательным и наречиям» [Кудзоева и др., 2018, с. 112].

3) Cvb → A (cvb — конверб): ир. *агургæ* / диг. *агоргæ* (разыскивая, разыскиваемый); ир. *алæугæ* / диг. *ралæугæ* «постояв, полежалый»; ир. *Ауындзгæ* / диг. *ауиндзгæ* «вешая, висячий», ир. диг. *ахадгæ* «будучи эффективным, эффективный» и т. д. Н. К. Багаев отмечает полный переход некоторых деепричастий в наречия и послелогов [Багаев, 1965, с. 360]. Например, слово ир. *зынгæ* / диг. *зингæ* «заметно», образованное от глагола ир. *Зынын* / диг. *зинун* «виднеться», выполняет функцию наречия: *Бонтæ зынгæ фæдаргъдæр сты* / Дни стали заметно длиннее»; слово ир., диг.

гæсгæ, образованное от глагола ир. *Кæсын* / диг. *кæсун* «смотреть», употребляется в значении послелого: *Мæнмæ гæсгæ уыцы загъд раст нæу* / По-моему (на мой взгляд) это высказывание неверное.

Среди конверсионных моделей осетинского языка можно еще выделить такие, как Adv (наречие) → N и Adv → A. Так, субстантивации могут подвергаться некоторые наречия времени, например, ир. *Абон* / диг. *ацибон* «сегодня», ир. *Знон* / диг. *æзинаæ*, ир. *Ахсæв* / диг. *ахсæвæ* «сегодня ночью» и т. д. Наречия переходят в прилагательные, например, ир., диг. *æгсер* «чрезмерно, слишком, чрезмерный», ир. *æгъгъæд* / диг. *æнгъæд* «довольно, достаточно, достаточный», ир. диг. *æмраст* «прямо, ровно, прямой, ровный» и т. д.

Некоторые наречия, образованные от имен существительных при помощи приставок *дæл-*, *уæл-*, *фæс-*, могут подвергаться как субстантивации, так и адъективации, например, ир., диг. *фæсаууонмæ* «заочно, заочное», ир. *фæсхъæу* / диг. *фæсгъæу* «за селом, место за селом», ир. диг. *фæсдуар* «за дверью, место за дверью», ир. *дæлбыл* / диг. *дæлбилæ* «под берегом», ир., диг. *уæлвæндаг* «над дорогой» и т. д.

В осетинском языке степень конверсионной активности данных моделей невысокая. Осетинскому наречию более свойственны конверсивные отношения с синсемантическими словами.

3.3. Конверсивные отношения между автосемантическими и синсемантическими словами

Следует отметить, что изначально, приблизительно до середины XIX века лингвистами рассматривался взаимопереход «частей речи (существительного, прилагательного и наречия в глагол, причастия в прилагательное и т. д.). Однако в конце XIX века речь уже идет об употреблении одного и того же слова в позиции различных частей речи» [Кубрякова, 2002, с. 35].

Определённый интерес представляют «конверсивные отношения между автосемантическими и синсемантическими словами», в частности, взаимопереход существительных, прилагательных и послелогов, наречий, частиц и союзом» [Мурясов, 2014, с. 1475].

Наибольшую конверсивную активность в осетинском языке проявляют наречия и послелог. Так, некоторые наречия могут выполнять функцию послелогов, например, ир. *уæлæ* / диг. *уæлæ* «наверху», ир. *фæстæ* / диг. *фæсте* «позади», ир. *иуæвæсты* / диг. *еуæвæсти* «стороной», ир. *ардыгæй* / диг. *ардигæй* «отсюда», «по эту сторону», ир. *æддейæ* / диг. *æндеггæй* «снаружи, за, позади» и т. д. Сравним некоторые выражения: *Мах уæллæй* (наречие) *адтан* / Мы были наверху; *Кизги уæлæ* (послелог) *рæсугъд пълъци* / На девушке красивое платье; *Фæсте* (наречие) *изайун хуарз нæй* / Не-

хорошо оставаться позади; *Скъоладзаутæ урокти фæсте* (послелог) *сæ хæдзæрттæмæ цæуццæ* / Дети после уроков идут домой.

Некоторые слова в осетинском языке могут выполнять одновременно функции прилагательного, наречия и послелога. Например, ир. *мидæг* / диг. *медæг*, *медæгæ* «внутри» (послелог, наречие) в некоторых сочетаниях может выполнять и функции прилагательного «внутренний», ср.: *мидæг мой* «букв. внутренний муж, примак, муж, вселяющийся в дом жены», *мидæг хор* «внутреннее (домашнее) зерно» [ИЭ, т. 2, с. 114]; ир. *æввахс* / диг. *æнвахс* может выполнять функцию прилагательного — «близкий, недалекий, ближний, приближенный»; наречия — «близко, поблизости, не-далеке»; послелога — «около, примерно, почти, близ, вблизи, прибли-зительно»; ир. диг. *аууон* — «тень, силуэт» (существительное), *аууон бынат* «теневая сторона» (прилагательное), «в тени» (наречие), «за чем-либо» (послелог).

Наблюдаются также случаи перехода наречий в частицы и союзы, например, ир. *гъеныр* / диг. *гъенур* — наречие «теперь, сейчас», частица «так»; ир. диг. *дæлæ* — наречие «внизу», частица «вон внизу»; ир. *афтæ* / диг. *уотæ* — наречие «должным образом, так, очень, настолько, как раз в то время, тогда»; союз «так вот, следовательно, значит»; ир. *æдæппæт* / диг. *еугурай* — наречие «всего, в общей сложности», частица «всего-на-всего» и т. д.

Наибольшая активность послелогов в конверсивных отношениях между знаменательными и служебными частями речи обусловлена тем, что «в современном осетинском языке основным средством выражения синтаксических отношений между словами в предложении (в отношении имен и местоимений) служат падежные формы, в сочетании с которыми употребление послелогов играет большую роль. При этом употребление предлогов весьма ограничено» [Грамматика..., 1963, с. 280]. В осетинском языке всего два предлога: *æд* (с, вместе с) и *æнæ* (без) [Цопанова и др., 2021, с. 83; Грамматика... 1963, с. 295], в некоторых исследованиях признается существование третьего предлога (предлог с количественно-разделительным значением *фæйнæ* «по») [Багаев, 1965, с. 3]. Большинство осетинских послелогов служат для выражения пространственных отношений. В сочетании с глаголами, отглагольными именами и деепричастиями, с именами в соответствующем падеже могут обозначать место действия, состояния-процесса, направление действия и т. д.

4. Заключение = Conclusions

Анализ конверсированной лексики иронского и дигорского диалектов осетинского языка позволяет сделать следующие выводы.

Конверсия для осетинского языка является довольно продуктивным способом словообразования. Основными конверсионными моделями в осетинском языке (хотя и с разной степенью продуктивности) являются: $N \leftrightarrow A$ ($A \rightarrow N$, $N \rightarrow A$), $Part \rightarrow N$, $Cvb \rightarrow A$. Конверсионная модель в осетинском языке чаще включает в себя имя существительное, имя прилагательное и причастие.

Конверсивные отношения между автосемантическими и синсемантическими словами в осетинском языке представлены следующими моделями: «наречие $\rightarrow$ послелог», «прилагательное / существительное $\rightarrow$ наречие $\rightarrow$ послелог», «наречие $\rightarrow$ частица», «наречие $\rightarrow$ союз». Высокая степень активности послелогов в конверсивных отношениях между знаменательными и служебными частями речи, на наш взгляд, обусловлена развитой системой послелогов в осетинском языке.

Привлечение языкового материала двух основных диалектов осетинского языка позволяет говорить о том, что механизмы конверсирования иронской и дигорской лексики не имеют значительных отличий. При этом следует отметить, что между иронским и дигорским диалектами существуют расхождения на всех языковых уровнях. На фонетическом уровне отмечаются дифференцирующие явления в области и вокализма, и консонантизма; на морфологическом уровне дигорский диалект отличается наличием более архаичных грамматических форм; на лексическом уровне — наличием в дигорском более 2500 слов, которых нет в иронском.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
--	--

Источники и принятые сокращения

1. БРОС — *Большой русско-осетинский словарь* : около 60000 слов и выражений / Учреждение Российской академии наук Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А. — Владикавказ : ИПО СОИГСИ, 2011. — 687 с. — ISBN 978-5-905691-19-5.
2. ДРС — *Дигорско-русский словарь*. Русско-дигорский словарь / Ф. М. Таказов. — Владикавказ : Алания, 2015. — 872 с. — ISBN 978-5-98585-121-2.
3. ИЭ — *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. Москва — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1958. Т. I—IV.
4. ТСОЯ — *Толковый словарь осетинского языка* : в 4 т. / Н. Я. Габараев ; Российская академия наук ; Владикавказский научный центр ; Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З. Н. Ванеева. — Москва : Наука, 2000. — Т. 1. А-Æ. — 516 с. — ISBN 978-5-02-036243-7.

Литература

1. *Абаев В. И.* Грамматический очерк осетинского языка / В. И. Абаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. — 168 с.
2. *Аракин В. Д.* Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. — Ленинград : Просвещение, 1979. — 255 с.
3. *Багаев Н. К.* Современный осетинский язык / Н. К. Багаев. — Орджоникидзе : Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. — Ч. 1. — 487 с.
4. *Беляев О. И.* Соединение именных групп в осетинском языке / О. И. Беляев, И. А. Хомченкова // Рема. Rhema. — 2022. — № 4. — С. 32—54. — DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54.
5. *Габараев Н. Я.* Морфологическая структура слова и словообразование в современном осетинском языке / Н. Я. Габараев. — Тбилиси : Мецниереба, 1977. — 174 с.
6. *Грамматика осетинского языка.* Фонетика и морфология / Под ред. Г. С. Ахвледиани. — Орджоникидзе : Республиканская книжная типография, 1963. — Т. I. — 364 с.
7. *Гутиева Э. Т.* Специфика словообразовательной валентности отрицательных формантов / Э. Т. Гутиева // Известия СОИГСИ. — 2023. — Выпуск 48 (87). — С. 108—128. — DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.005.
8. *Дзодзикова З. Б.* Вопрос разграничения существительных и прилагательных в современном осетинском языке в сопоставлении с русским / З. Б. Дзодзикова, Б. В. Кунавин // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. — 2012. — № 1. — С. 287—291.
9. *Заббарова Р. З.* Проблема лексикографирования конверсированных существительных в переводных словарях татарского языка / Р. З. Заббарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Лингвистика. — 2014. — Т. 11. — № 1. — С. 64—67.
10. *Исмаилова Д. Б.* К проблеме разграничения субстантивации и конверсии / Д. Б. Исмаилова // Вестник Чувашского университета. — 2006. — № 5. — С. 112—116.
11. *Карацук П. М.* Словообразование английского языка / П. М. Карацук. — Москва : Наука, 1977. — 302 с.
12. *Кубрякова Е. С.* Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. — 1974. — № 5. — С. 64—77.
13. *Кубрякова Е. С.* Конверсия в современном английском языке / Е. С. Кубрякова, В. А. Гуреев // ВЕСТНИК ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2002. — № 2. — С. 33—38.
14. *Кудзоева А. Ф.* Сравнительно-сопоставительный анализ причастий в персидском, русском и осетинском языках / А. Ф. Кудзоева, Е. С. Качмазова, М. Шафаги // Известия СОИГСИ. — 2018. — Выпуск 30 (69). — С. 103—112.
15. *Мазо Б. В.* Деадъективное образование имен существительных в современном английском языке (конверсия и субстантивация прилагательных и причастий — сопоставительное исследование) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Б. В. Мазо. — Воронеж, 1963. — 85 с.
16. *Мешков О. Д.* Словообразование современного английского языка / О. Д. Мешков. — Москва : Наука, 1976. — 248 с.
17. *Мурясов Р. З.* К понятию «конверсия» в дериватологии / Р. З. Мурясов // Вестник Башкирского университета. — 2014. — Т. 19. — № 4. — С. 1470—1479.
18. *Никитевич В. М.* Основы номинативной деривации / В. М. Никитевич. — Минск : Вышэйш. шк., 1985. — 157 с.

19. Осипова О. В. Аналитические прилагательные как результат конверсии во французском языке / О. В. Осипова // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2023. — № 2 (77). — С. 69—75.
20. Пшеничная А. Ю. Общая характеристика конверсии как способа словообразования (на материале русского и французского языков) / А. Ю. Пшеничная // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2012. — № 1. — С. 145—150.
21. Сатцаев Э. Б. Проблема выделения именных частей речи в осетинском языке / Э. Б. Сатцаев // Вестник Владикавказского научного центра. — 2017. — Т. 17. — № 4. — С. 6—9.
22. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. — Москва : Наука, 1956. — 260 с.
23. Соболева П. А. Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии / П. А. Соболева // Вопросы языкознания. — 1959. — № 2. — С. 91—95.
24. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка / А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1968. — 198 с.
25. Цопанова Р. Г. Атрибутивные словосочетания в осетинском и персидском языках / Р. Г. Цопанова, Э. Чангизи // Известия СОИГСИ. — 2021. — Выпуск 42 (81). — С. 82—89. — DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.006.
26. Юшкова Л. А. Конверсия как продуктивный способ словообразования в современной немецкой молодёжной лексике / Л. А. Юшкова // Вестник Удмуртского университета. — 2005. — № 5. — С. 133—140.
27. Aronoff M. Contextuals / M. Aronoff // Language. — 1980. — № 56. — Pp. 744—758.
28. Clark E. When noun surface as verbs / E. Clark, H. Clark // Language. — 1979. — № 55. — Pp. 767—811.
29. Farrell P. Comments on the paper by Lieber / P. Farrell // Morphology and its relation in phonology and syntax / Ed. S. Lapointe. — Stanford, CA : CSLI Publications, 1998. — Pp. viii+440.
30. Marchand H. On a question of contrary analysis / H. Marchand // English studies. — 1963. — № 44. — Pp. 176—187.
31. Sweet H. A Short Historical English Grammar / H. Sweet. — Oxford : Oxford University Press, 1892. — 280 p.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023,
одобрена после рецензирования 03.12.2023,
подготовлена к публикации 20.12.2023.

Material resources

- BROS — *A large Russian-Ossetian dictionary: about 60,000 words and expressions* / Institution of the Russian Academy of Sciences North Ossetian Institute of Humanities and Social Research named after V. I. Abaev VNC RAS and the Government of the Russian Academy of Sciences-A. (2011). Vladikavkaz: IPO SOIGSI. 687 p. ISBN 978-5-905691-19-5. (In Russ.).
- DRS — *Digor-Russian dictionary. Russian-Digor dictionary*. (2015). Vladikavkaz: Alania. 872 p. ISBN 978-5-98585-121-2. (In Russ.).

- IE — Abaev, V. I. *Historical and etymological dictionary of the Ossetian language*. Moscow — Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958. V. I-IV. (In Russ.).
- TSOI — *Explanatory dictionary of the Ossetian language: in 4 volumes, 1. A.* (2000). Moscow: Nauka. 516 p. ISBN 978-5-02-036243-7. (In Russ.).

References

- Abaev, V. I. (1959). *Grammatical essay of the Ossetian language*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 168 p. (In Russ.).
- Arakin, V. D. (1979). *Comparative typology of English and Russian languages*. Leningrad: Prosveshchenie. 255 p. (In Russ.).
- Aronoff, M. (1980). Contextuals. *Language*, 56: 744—758.
- Bagaev, N. K. (1965). *Modern Ossetian language, 1*. Ordzhonikidze: North Ossetian Book Publishing House. 487 p. (In Russ.).
- Belyaev, O. I., Khomchenkova, I. A. (2022). Connection of nominal groups in the Ossetian language. *Rema. Rhema*, 4: 32—54. DOI: 10.31862/2500-2953-2022-4-32-54. (In Russ.).
- Clark, E., Clark, H. (1979). When noun surface as verbs. *Language*, 55: 767—811.
- Dzodzikov, Z. B., Kunavin, B. V. (2012). The question of the differentiation of nouns and adjectives in the modern Ossetian language in comparison with Russian. *Bulletin of the North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov*, 1: 287—291. (In Russ.).
- Farrell, P. (1998). Comments on the paper by Lieber. In: *Morphology and its relation in phonology and syntax*. Stanford, CA: CSLI Publications. viii+440.
- Gabaraev, N. Ya. (1977). *Morphological structure of the word and word formation in the modern Ossetian language*. Tbilisi: Metsniereba. 174 p. (In Russ.).
- Grammar of the Ossetian language. Phonetics and morphology, 1.* (1963). Ordzhonikidze: Republican Book Printing House. 364 p. (In Russ.).
- Gutieva, E. T. (2023). The specificity of the word-formation valence of negative formants. *Izvestiya SOIGSI*, 48 (87): 108—128. DOI: 10.46698/VNC.2023.87.48.005. (In Russ.).
- Ismailova, D. B. (2006). On the problem of differentiation of substantiation and conversion. *Bulletin of the Chuvash University*, 5: 112—116. (In Russ.).
- Karashchuk, P. M. (1977). *Word formation of the English language*. Moscow: Nauka. 302 p. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Gureev, V. A. (2002). Conversion in modern English. *Bulletin of TvSU. Linguistics and Intercultural Communication series*, 2: 33—38. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1974). Derivation, transposition, conversion. *Questions of linguistics*, 5: 64—77. (In Russ.).
- Kudzoeva, A. F., Kachmazova, E. S., Shafagi, M. (2018). Comparative analysis of participles in Persian, Russian and Ossetian languages. *Izvestiya SOIGSI*, 30 (69): 103—112. (In Russ.).
- Marchand, H. (1963). On a question of contrary analysis. *English studies*, 44: 176—187.
- Mazo, B. V. (1963). *Deadjective formation of nouns in modern English (conversion and substantiation of adjectives and participles — a comparative study)*. Author's abstract of PhD Diss. Voronezh. 85 p. (In Russ.).
- Meshkov, O. D. (1976). *Word formation of the modern English language*. Moscow: Nauka. 248 p. (In Russ.).

- Muryasov, R. Z. (2014). Towards the concept of “conversion” in derivatology. *Bulletin of the Bashkir University*, 19 (4): 1470—1479. (In Russ.).
- Nikitevich, V. M. (1985). *Fundamentals of nominative derivation*. Minsk: Higher School of Economics. 157 p. (In Russ.).
- Osipova, O. V. (2023). Analytical adjectives as a result of conversion in French. *Bulletin of TvSU. The series “Philology”*, 2 (77): 69—75. (In Russ.).
- Pshenichnaya, A. Yu. (2012). General characteristics of conversion as a method of word formation (based on the material of Russian and French languages). *Proceedings of the Southern Federal University. Philological sciences*, 1: 145—150. (In Russ.).
- Sattsaeve, E. B. (2017). The problem of distinguishing nominal parts of speech in the Ossetian language. *Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center*, 17 (4): 6—9. (In Russ.).
- Smirnitsky, A. I. (1956). *Lexicology of the English language*. Moscow: Nauka. 260 p. (In Russ.).
- Soboleva, P. A. (1959). On the main and derivative word in word-formation relations by conversion. *Questions of linguistics*, 2: 91—95. (In Russ.).
- Sweet, H. (1892). *A Short Historical English Grammar*. Oxford: Oxford University Press. 280 p.
- Tsopanova, R. G., Changizi, E. (2021). Attributive phrases in the Ossetian and Persian languages. *Izvestiya SOIGSI*, 42 (81): 82—89. DOI: 10.46698/VNC.2021.81.42.006. (In Russ.).
- Ufimtseva, A. A. (1968). *The word in the lexico-semantic system of the language*. Moscow: Nauka. 198 p. (In Russ.).
- Yushkova, L. A. (2005). Conversion as a productive way of word formation in modern German youth vocabulary. *Bulletin of the Udmurt University*, 5: 133—140. (In Russ.).
- Zabbarova, R. Z. (2014). The problem of lexicography of converted nouns in translated dictionaries of the Tatar language. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 11 (1): 64—67. (In Russ.).

*The article was submitted 19.10.2023;
approved after reviewing 03.12.2023;
accepted for publication 20.12.2023.*